

УДК 316.485.2

Х. В. Дзуцев

Hasan V. Dzutsev

**ПРИЧИНЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ
И ЭКСТРЕМИЗМА
В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРО-
КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
ОКРУГА РОССИИ¹**

**THE CAUSES OF ETHNIC TENSION
AND EXTREMISM
IN THE REPUBLICS OF THE NORTH
CAUCASUS FEDERAL DISTRICT
OF RUSSIA**

Данная статья написана на основе проведенного в ноябре 2013 г. Северо-Осетинским Центром исследований ИСПИ РАН совместно с кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова на основе экспертного опроса в республиках СКФО РФ на тему: «Исторические, политические, экономические, социальные причины межнациональной напряженности и экстремизма в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации».

This article bases on the study conducted in November 2013 by the North Ossetian Research Center ISPR RAS and the department of sociology and social processes of the North Ossetian State University named after K. L. Hetagurov. The study is founded on the expert survey in the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation on the theme: «Historical, political, economic and social causes of ethnic tension and extremism in the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation».

¹ Представленные материалы основаны на результатах экспертного опроса, проведенного в ноябре 2013 г. в республиках СКФО РФ. В нем приняли участие 37 экспертов, в числе которых журналисты, политологи, военнослужащие, специалисты промышленного и сельскохозяйственного производства, юристы, историки, представители общественных и политических движений.

Ключевые слова: политизированная этничность, этносепаратизм, сецессия, национальный радикализм, гипертрофия этничности, этногенез, конфликт цивилизаций, цивилизационное противоречие, землячество, аффилиация, идентичность, национальное самоопределение, аутентичность, православие, ислаимизм, архаизм.

Дзутцев Хасан Владимирович

доктор социологических наук, профессор заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Key words: politicized ethnicity, ethnic separatism, secession, national radicalism, hypertrophy of ethnicity, ethnogenesis, the clash of civilizations, civilizational conflict, friendly association, affiliation, identity, national self-determination, authenticity, Orthodoxy, Islam, the archaism.

Dzutsev Hasan V.

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, North-Ossetian State University named after K. L. Hetagurov (Vladikavkaz)

e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

© Дзутцев Х. В., 2014

© Dzutsev H. V., 2014

Современная социально-политическая ситуация в России и тенденции ее развития являются объектом пристального внимания как федеральных, так и региональных властей. Политизированная этничность, принимающая все более агрессивные формы, угрожает российскому сообществу этносепаратизмом, сецессией, межэтническими конфликтами и этнополитическими кризисами.

Сложившаяся на территории СКФО РФ ситуация в политической, социальной и культурной сферах требует неотложных решений. Со всей остротой ощущается недостаточная разработанность теоретического аспекта данного предмета и практических рекомендаций по проведению этносоциальной политики государства в условиях нарастающего национального радикализма со стороны противников территориальной целостности Российской Федерации. При этом этничность приобретает политические функции, а этнос превращается в субъект политики. Последнее представляет опасность территориальной и социальной целостности государства. Особенно остро это ощущается при распространении экстремизма вглубь религиозной составляющей жизни социума.

Проблема национального радикализма в аспекте политологии и социальной антропологии на Северном Кавказе отражена в работах отечественных и зарубежных авторов, результаты этих исследований важны для понимания происходящих процессов. Ряд исследователей трактуют явление национального радикализма как социальное, связанное с гипертрофией этничности, как шовинизацию национальной истории и культуры. Другие придают ему сугубо политический смысл и связывают его генезис и развитие с процессом формирования государственности в разных исторических условиях.

В современной этносоциологии доминируют три подхода, не допускающие иных, кроме официально принятых, толкований этногенеза и межнацио-

нальных конфликтов. Одним из них является этнографический, объясняющий конфликт интересов различных этносов различием культурных традиций, нравов, стиля жизни, верований.

Второй – политологический, объясняющий межнациональные конфликты различием политических позиций национальной элиты или буржуазии, идеологической «диверсией» оппозиционных политических образований или националистических групп, сепаратистских движений.

Третьим служит конфликтологический подход, рассматривающий межэтнические столкновения как конфликт интересов, обусловленный частными интересами политического или культурного характера, которые можно решить путем поиска компромиссов.

На современном этапе при исследовании причин межнациональных конфликтов прежде всего следует исходить из концепции конфликта цивилизаций, в последние два десятилетия акцентированной американским социальным философом и политологом Самюэлем Хантингтоном. Согласно этой концепции все формы межнациональных конфликтов, в том числе и религиозных, являются выражением единого противоречия – цивилизационного. Всевозможные формы (этнические, социальные, политические) в этом смысле являются не истинными источниками, а только формой проявления. Подход к исследованию источника конфликта с позиции конфликта цивилизаций предоставляет возможность правильно измерять те ожидания конфликтующих сторон, которые могут лечь в основу компромисса.

Из концепции цивилизационного подхода вытекает вывод о том, что исследование причин межнациональных конфликтов в России нельзя осуществлять, опираясь только на западный (прежде всего американский) опыт конфликтологических исследований. В отличие от США, Канады, Австралии, большинство этнических образований в России не является эмигрантским этническим землячеством, а представляет собой автономные государственные объединения на исторических территориях. Поэтому ожидать от них идентичности этнического сознания наподобие эмигрантского «гостевого» менталитета землячеств мигрантов США и Канады, в основе которого лежат сугубо экономический интерес и большей частью – лишенная этических основ маскультурная коммуникация, неправомерно.

Господствовавшие в СССР общинные распределительные отношения, теологическая по форме и этическая (моральная) по содержанию идеология соответствовали менталитету народов, чье цивилизационное развитие завершилось задолго до зарождения элементов капитализма в царской Российской империи и в большей степени являлось (и является) атрибутом феодальных отношений, чем рыночных. Поэтому стремление Российского государства сегодня утвердить в стране рыночные отношения, ломает не только уклад жизни, принципы межличностной коммуникации и самореализации в референтных группах, в том числе по причине разрушения их самих (ценностной структуры семьи, иерархии межпоколенческих отношений, принципов этической

(неправовой) формы регулирования общинных отношений), но и одновременно оказывает непомерное давление на генетику индивида. Насильственное «втягивание» в рынок исторически завершивших свое цивилизационное становление этнических групп порождает внешнее и внутреннее противоречия:

– внешнее, перерастающее в ряде случаев в конфликт государственного масштаба, есть противоречие не между малыми этническими группами и русскими как государствообразующим этносом, а между малыми этносами и федеральной (иногда – национальной) государственной властью как воплощением олигархической политики интенсивного развития рынка, вовлекающей малые этносы в капиталистическую цивилизацию;

– внутреннее противоречие порождено самими элементами рынка, создающими конфликт интересов между группами внутри этносов: это классические противоречия становления капитализма, а именно: между городом и разрушающейся деревней, общинным земледелием и фермерством, собственниками средств производства и наемными работниками, между частью населения с теологическим менталитетом и другой частью с индивидуализированным сознанием «крантье», молодым и старшим поколениями по причине разрушения традиций.

Современное состояние исследований по проблеме

Исторические формы этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе рассматривались в дореволюционных трудах российских и отечественных авторов. Н. Ф. Дубровин, Н. Я. Данилевский, И. Н. Захарьин, А. И. Руновский, Р. А. Фадеев и др. видели Кавказскую войну как столкновение цивилизации (Российской империи XIX в.) и варварства (горские народы) и битву христианства с исламом [1]. Немецкие историки и политики в основном поддержали оценки российских авторов. Французские и английские ученые и политики, наоборот, считали участников сопротивления на Кавказе своими геополитическими союзниками и стремились использовать их для отторжения от Российской империи ее окраинных территорий. Советские историки, в зависимости от политико-идеологической конъюнктуры, рассматривали Кавказскую войну и имамат 1877 г. либо как многочисленные формы проявления насилия на социальной, национальной или религиозной почве, либо как национально-освободительное движение (М. Н. Покровский, Н. Н. Покровский, Р. М. Магомедов). Определенная часть советских исследователей отстаивали точку зрения, согласно которой восстания горцев на Кавказе были инспирированы из-за рубежа (Х. Г. Аджемян, Ш. В. Цагарейшвили и др.). Некоторые историки считали, что экспансионизм горцев, находившихся на стадии военной демократии, был направлен исключительно против российской государственности (М. М. Блиев, В. В. Дегоев, В. Б. Виноградов и др.). Военно-политические и административно-правовые методы регулирования этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в XIX–XX вв. рассматриваются

в трудах Н. Ф. Бугая, А. М. Гонова, Г. В. Марченко, В. В. Попова, В. П. Пляскина и др.

Современному этнорелигиозному экстремизму посвящена обширная научная литература. Проблемы этнонационализма и его экстремистские проявления исследуются Р. Г. Абдулатиповым, Ю. В. Арутюняном, Ю. Г. Волковым, Л. М. Дробижевой, Г. С. Денисовой, В. Н. Ивановым, Ю. Ю. Карповым, Е. Е. Несмеяновым, Г. В. Осиповым, В. Н. Рябцевым, Ж. Т. Тощенко, В. А. Тишковым, Л. Л. Хоперской, В. В. Черноусом и др. Если В. А. Тишков и его школа относят все проявления этнонационализма к политическому экстремизму, то Л. М. Дробижева, В. В. Черноус и др. [2] развивают идеи сложной типологии национализма. Работы по проблемам религиозного экстремизма на Северном Кавказе в основном ограничены проблемами исламского радикализма в этом регионе. Выделяются труды З. С. Арухова, В. Х. Акаева, В. О. Бобровникова, И. П. Добаева, А. В. Кудрявцева, А. А. Игнатенко, А. В. Малашенко, Д. В. Макарова, В. Н. Шевелева, А. А. Ярлыкапова и др. [4]. Исламский экстремизм на Северном Кавказе рассматривается авторами в контексте геополитики мусульманского мира. Эти исследователи обращают внимание на политизированность конфессионально-государственных отношений в России. Ряд авторов полагают, что религиозный экстремизм связан с проникновением в регион нетрадиционных исламских течений (например, ваххабизма).

Мусульманская правовая культура, ее влияние на концепции исламского радикализма и их регулирование рассматриваются в трудах В. О. Бобровникова, Г. М. Керимова, А. Р. Сюкияйнена. Этнонациональный и этнорелигиозный экстремизм в рамках различных конфликтологических теорий рассматривается в работах Ю. Г. Запрудского, Е. Е. Несмеянова, Е. И. Степанова, Ю. Ю. Синелиной, В. Г. Федотовой, В. Ю. Шпака, И. П. Чернобровкина и др. [5].

Терроризм как крайняя форма политического экстремизма, его социокультурные и региональные особенности анализируются в трудах И. М. Вакулы, В. В. Витюка, С. А. Воронцова, И. П. Добаева, Е. Г. Ляхова, И. В. Манацкова и др.

Несмотря на значительные достижения в изучении природы этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе, они еще не получили адекватное признание в российском сообществе, особенно если иметь в виду политико-правовой аспект проблемы.

Ученые, законодатели, практические юристы расходятся в теоретическом понимании и трактовке таких понятий, как «фундаментализм», «радикализм», «экстремизм». Об этом свидетельствуют дискуссии, появившиеся в связи с принятием федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», неоднозначные оценки со стороны ученых и политиков и критика регионального законодательства, направленного против исламского экстремизма.

Экспертным сообществом высказано мнение о том, что на Северном Кавказе имеют место те же конфликты, которые присутствуют на территории всей Российской Федерации. Однако в этом регионе они ярче выражены вслед-

ствие более низкого уровня экономического развития, пестрой национальной картины и бесконтрольности национальной же элиты.

Исторические причины межнациональной напряженности

Человечество на протяжении своего развития демонстрирует доказательство того, что общественное сознание сформированных этносов за исторически короткие сроки изменить невозможно. Свидетельством этому служит сохранившееся противостояние коренных народов Южной Америки и их сограждан – потомков выходцев из Европы. Попытки последних «привить» систему христианских ценностей и искоренить представления «дикарей и безбожников» сопровождалась уничтожением уникальных цивилизаций инков, майя и ацтеков.

В этом смысле противостояние народообразующей нации и малых народов на территории Российской Федерации имеет драматическую окраску. К моменту возникновения Российского государства в пределах нынешних границ РФ, народы Северного Кавказа были уже сложившимися как нации общностями со своей цивилизацией, а именно: с укладом жизни и ведения хозяйства, религиозным и бытовым мировоззрением, системой представлений и ценностей.

Истоки сегодняшних проблем Кавказа и России в целом уходят в историю. На Северном Кавказе интеграция с Российским государством проходила по очень сложному пути с применением силы. Те народы, в минувшие столетия вошедшие в состав России добровольно (осетины, адыги), не создали в нынешнем проблемы для федеральной власти. Те же, которые были присоединены силой (чеченцы, народы Дагестана), проявили себя в новейшей истории противостоянием федеральной власти и обострением взаимоотношений между собой.

Народы Северного Кавказа изначально были отличны от основной части империи по менталитету, культуре, уровню общественного развития. Апологетами советской власти было приложено немало тщетных усилий в деле привития населению кавказских республик советского образа жизни. Малые народы региона так и не смогли «раствориться в русской нации». Определяющую роль в этом сыграли традиционная культура и так называемый мусульманский буфер. В этом контексте религия определила роль духовной субстанции, позволившей кавказским этносам сохранить этническую самобытность и аутентичность. Существенная разница в мировоззрении, укладе жизни малых народов Кавказа и государствообразующей русской нации не могла не стать угрозой целостности Советского Союза и Российской Федерации.

Политические причины межнациональной напряженности

Несмотря на территориальную историческую общность, причины экстремизма в республиках СКФО имеют некоторые отличия, однако религиозный экстремизм признан политологами, социологами и правоведами самой

существенной причиной нестабильности в республиках Северного Кавказа. По высказыванию одного из экспертов, «ни национальная идентичность, ни земельные конфликты, ни бытовые неурядицы, ни проблемы миграции и взаимоотношения между поколениями не могут сравниться с фактором религиозного экстремизма [3].

По оценкам экспертов, в Дагестане с начала 90-х гг. XX в. построены 117 медресе, 17 университетов, 1600 дагестанцев обучаются в арабских странах в религиозных заведениях. И в то же время в почти 3-миллионном Дагестане за тот же период были введены в эксплуатацию только две(!) средние школы.

Современный исламизм несет в себе угрозу тому высокому уровню образования, который Дагестан действительно получил за годы советской власти. Образование постепенно становится платным, элитным. Учиться могут позволить себе лишь дети состоятельных людей.

Сейчас в России создается даже не классовое, а настоящее кастовое общество. В нем нет речи ни о доступности образования или услуг здравоохранения, ни о каком бы то ни было равноправии. Такому мрачному сценарию во многом способствует и распространение религии, которое поддерживается «сверху», местными элитами.

Современное северокавказское общество, а особенно дагестанское, с начала 90-х гг. провалилось в пучину архаизации. Именно поэтому в XXI в. нам суждено иметь дело с массами «взращенных» за эти годы религиозных фанатиков с едва ли не средневековым сознанием. Они тотально отрицают не просто все светское, но и вообще любые зачатки цивилизации. В Дагестане не только у духовных лиц, но и у определенного числа обывателей в мыслях присутствует одно: создать шариатское государство.

Длительное время Кабардино-Балкария пользовалась репутацией островка стабильности и относительного благополучия на фоне других Северо-Кавказских республик. Этническое самосознание кабардинцев и балкарцев остается достаточно выраженным, но не препятствует интеграционным процессам. Вместе с тем в последние годы характер распространения ислама в КБР аналогичен дагестанскому сценарию.

Экономические причины межнациональной напряженности

Стремление человека к благосостоятельной жизни является нормой. Для него важно иметь такое качество, которое позволяет удовлетворять как биологические, так и социальные потребности. Если же оно не отвечает им, значит, и формируемое сознание насыщено противоречиями. Кроме того, оно в значительной степени подвержено внешнему воздействию различных идей, в том числе извечных: националистического шовинизма, религиозного экстремизма, что особенно актуально в сохранившихся в определенной мере архаичных условиях традиционного общества Северного Кавказа. Такая воспри-

имчивость не может не быть использована силами (как внутри страны, так и вне ее), стремящимися к власти, управлению и манипулированию социумом. В результате мы наблюдаем, например, быстрое распространение религий, в том числе в радикальных и нетрадиционных формах.

Основой благополучия социума служат экономические ресурсы и уровень развития экономики страны в целом и региона проживания, в частности. Экономические ресурсы республик Северного Кавказа, на первый взгляд, составляют достаточно прочную базу для поступательного развития региона и высоких показателей уровня жизни населения:

- благоприятные климатические условия для ведения сельского хозяйства, развития туризма, рекреации и комфортной жизни человека;
 - весь регион сосредоточен в поясе комфортного умеренного климата;
 - 40 % почвы республик Северного Кавказа признаны пригодными для эффективного ведения сельского хозяйства;
 - на сравнительно небольшой площади присутствует широкий набор климатических зон с выраженной высотной поясностью: континентальный сухой полупустынный на востоке, умеренно континентальный со значительными осадками на западе и холодный влажный в зоне альпийских лугов;
- транспортная инфраструктура имеет сравнительно высокий уровень развития;
 - высокая степень концентрации трудовых ресурсов;
 - территория СКФО насыщена водными ресурсами (4 % их запасов по России в целом).

Кроме того, Северный Кавказ имеет массу месторождений других видов ресурсов. Только в Чечне доказанные запасы нефти составляют по сегодняшним экспортным ценам \$12 млрд газа – более 1 млрд. Стоимость запасов углеводородов в Чечне составляет \$13 млрд [1]. В общей сложности их стоимость – 39,4 млрд руб. в год.

Ключевой ресурсный фактор Северного Кавказа – примерно 2/3 от выхода России к Каспийскому морю, которое является ключевым энергетическим месторождением и ключевой же логистической точкой мира. Доказанные запасы нефти в нем составляют около \$8 трлн [2], общие геологические нефтегазовые ресурсы Каспия оцениваются в размере \$32 трлн [3].

При этом показатель экономического развития СКФО низкий и не имеет тенденции к увеличению. Из года в год уровень дотационности республик, а, следовательно, и безработицы и бедности, продолжает оставаться одним из самых высоких в стране. Совокупные дотации Северному Кавказу составляют 156,374 млрд руб. в год, это 0,84 % от консолидированного бюджета России, или 1,9 % от федерального.

Причинами этого является, прежде всего, политическая и экономическая (инвестиционная, коррупционная) непривлекательность национальных республик. Недооценен логистический потенциал региона. Среди наиболее серьезных проблем экономического аспекта в республиках Северного Кавказа экспертами были выделены:

- высокая степень изношенности основных производственных фондов;
- высокий уровень изношенности инфраструктуры (за исключением транспортной);
- низкий уровень инвестиционной активности в региональной экономике;
- низкие показатели инвестиционной привлекательности региона;
- высокий уровень коррупции и относительно большая доля теневой экономики;
- высокий уровень безработицы;
- низкие показатели качества государственного и муниципального управления;
- низкий уровень трудовых доходов населения;
- высокая плотность населения, провоцирующая конфликты интересов владения ресурсами, в том числе земельными.

Несовершенство земельного законодательства, отсутствие кадастровой документации в сельских администрациях порождают самозахват и самораздел прилегающих к административным единицам территориям. А это, в свою очередь, провоцирует столкновение заинтересованных сторон, имеющее тенденцию к перерастанию в межэтнические конфликты.

Если экономические вопросы не будут эффективно решаться, то ситуация будет усугубляться. Экономический подъем в России напрямую связан с укреплением межнациональных отношений.

Социальные причины межнациональной напряженности

Среди социальных проблем Северного Кавказа экспертным сообществом особенно были выделены:

- низкий уровень жизни в республике;
- высокий уровень преступности;
- высокие показатели проявления девиантного поведения (наркомания, пьянство и т. д.);
- увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру в результате неорганизованной миграции;
- риски терактов различного происхождения: коммерческого, политического, религиозного, национального;
- низкий профессионализм управления обществом;
- снижение качества образования всех уровней (в бюджете на 2013–2015 гг. планируется абсолютное снижение расходов на образование);
- отсутствие перспектив для молодежи и, как следствие, восприятие внешней социокультурной среды как агрессивной и недоброжелательной, а не поддерживающей и помогающей.

Развал экономики республик Северного Кавказа произошел в период экономических реформ 90-х гг. В результате этих преобразований образовались небольшой слой очень богатых людей и большая масса обедневшего населе-

ния. Никто из реформаторов не задумался о политике формирования среднего класса – самодостаточного слоя общества, служащего опорой его экономического и политического благополучия. Фактический уровень безработицы в некоторых республиках СКФО доходил до 80–90 % взрослой части населения. И сейчас, если учесть масштабы скрытой безработицы, официальные данные о численности безработных занижены в разы. Спрос в основном на низкооплачиваемые должности в сфере услуг (это продавцы, охранники, водители и т. д.), и дающие мало перспектив на продвижение по службе при высоком спросе на рабочие места в системе управления. По статистике численность чиновников достигает 14 % от общей численности населения, в то время как в СССР этот процент достигал 0,45 %. Увеличение численности чиновников ведет к увеличению масштабов коррупционного фона.

Заработки женщин стали играть более существенную роль в семейном бюджете, чем когда-либо, на Кавказе. В итоге для поддержания существующих патриархальных основ семьи, общества, активизируются начала различного рода радикализма, в том числе и религиозного. Самое сильное воздействие на проявления его разных форм оказывает безработица. И, напротив, самым действенным средством противодействия ему служит занятость населения трудом, обеспечивающим достойный уровень жизни.

Для Правительства РФ и властей республик СКФО, настроенных на борьбу с бедностью и безработицей, первоочередной задачей является оживление рынка труда. Чем больше людей будут работать, тем больше появится ресурсов в бюджетах республик СКФО и федеральном, которые можно направить на нужды населения.

Попытки объяснить бедность на Кавказе можно разделить на две главные составляющие:

- бедные в регионе сами ответственны за свою бедность. Это мнение необоснованно: значительная часть нынешних бедных людей до развала Советского Союза имели благоприятные условия жизни. Более того, у них есть ожидания того, что они «выкарабкаются» из бедности когда-либо в будущем;
- исследования показывают: большая часть бедного населения при условии создания рабочих мест могла бы сама «выйти» из униженного положения социального отчуждения от общества;
- бедность воспроизводится структурными силами в обществе. Такие факторы, как этническая принадлежность, клановость (фамилии) и т. д., формируют способ распределения ресурсов, прежде всего государственных (бюджеты, внебюджетные государственные фонды как самые крупные и стабильные денежные фонды регионов и т. д.). В итоге складывается общественное мнение по поводу того, что личные успех и благополучие зависят от таких факторов, как близость к первым лицам власти в республиках, родственные отношения и т. д.

Некоторые эксперты связывают социальное отчуждение подавляющей части населения республик СКФО РФ с ростом преступности (например, «лесные бандиты»). Уровень преступности на Северном Кавказе, возможно, отражает факт: часть людей не чувствуют того, что общество (государство), в котором они живут, их ценит и что у них есть в этом обществе благополучное будущее.

СМИ РФ провоцируют рост социального отчуждения, приводящего к моральной деградации, и прежде всего молодежи. Социокультурная (внешняя) среда оказывает большее влияние на развитие молодежи, чем региональная (этническая), и является более значимым фактором, влияющим на остроту ее переживания кризиса идентичности. Молодежь, оставленная без государственной идеологии, без ощутимой государственной же поддержки, в условиях сокращения возможностей получения качественного образования, услуг здравоохранения, трудоустройства, легальных источников средств к существованию и развитию, приходит к глубокому чувству своей собственной обездоленности и готовности прибегнуть к противозаконным средствам для поддержания желаемого уровня жизни. Рыночная идеология может оправдать многие средства достижения цели. Между тем современное общество несет ответственность за будущие поколения, формирование в их сознании таких аспектов социокультурной идентичности, как гражданская и государственная, межнациональное содружество и общенациональная солидарность в едином государстве – Российской Федерации.

Социальные проблемы на Северном Кавказе вызывают недовольство населения всех его республик. Особенно наглядно это прослеживается на примере Чечни. Последствия военного конфликта масштабны. Положение усугубляется тем, что социальная ситуация в ней способствует обогащению незначительной части общества, правящей верхушки и родственников, тогда как большая часть населения бедна. Причем социальное недовольство «распыляется» благодаря состоянию послевоенного выживания, миграционному оттоку, религии.

Экспертами по Чечне отмечена чрезмерная централизация власти, в том числе и религиозной. Духовная власть сосредоточена в руках муфтията. Муфтиятами назначаются не только имамы, кадии, но и рецензируются тексты проповедей.

По мнению большинства экспертов, проблему Чеченской Республики стоит все еще рассматривать сквозь призму поствоенного состояния общества. Нарастание насилия эксперты связывают с распространением в молодежной среде идей радикального исламизма, с одной стороны, и с незаконными действиями представителей власти в рамках реализации «мер по противодействию терроризму и распространению экстремистской идеологии» – с другой.

В Дагестане религиозный фактор стал главным идеологическим «знаменем», объединяющим под своим крылом различные группы недовольных. По мнению большинства экспертов, распространение идей радикального ислама

остаётся лидирующим фактором в дестабилизации ситуации в Дагестане. По такому же пути с разницей в несколько лет идет Кабардино-Балкария. Нарастает разрушительный религиозный фактор и в других регионах СКФО, включая даже такой традиционно православный субъект, как Северная Осетия.

Заключение

Итак, процессы, происходящие в России на протяжении последних 20 лет, с разрушительной силой давят на генетику большинства ее народов, в том числе кавказских. Это давление происходит через разорение рыночной экономикой сельских районов, в которых живет большая часть этнического населения, что ведет не только к нивелированию традиций и укладу жизни, при этом стимулируя ассимиляцию и постепенное генетическое растворение этноса.

В постсоветский период стали складываться альтернативные модели региональных политических систем и идеологий, ориентированных на титульные нации при формировании властных структур республик Северного Кавказа. Борьба титульных наций за власть и собственность стала находить опору в этническом национализме и традиционной религиозности, что привело к обостренному чувству психологической общности со своим этническим сообществом (аффилиации). Этничность меньшинств приобрела гипертрофированные формы и политизировалась в соответствии с интересами определенных экстремистски настроенных социальных групп [6].

Смена советской идентичности на этнонациональную и религиозную обострила проблему государственно-правового национального самоопределения на Северном Кавказе – в самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации.

В регионе этническая мобилизация на основе этнонационализма и религии вышла за рамки бытового национализма, этничность приобрела явные политические функции, а этнос из сферы социальной перешел в политическую. Последнее представляет опасность территориальной и социальной целостности государства.

К концу 90-х гг. XX в. вертикаль власти значительно ослабла. К тому же процесс регионализации страны совпал с реструктуризацией геополитической и геоэкономической картин мира, что, в свою очередь, было вызвано рядом важнейших тенденций глобализации. Юг России из тесно связанных между собой и центром экономически административных единиц превратился в аморфное приграничное образование и стал объектом интересов сил, стремящихся реализовать различные модели масштабности проблемы.

Поиск исторических, политических, экономических, социальных истоков межнациональной напряженности и экстремизма на Северном Кавказе позволит определить формы компромисса, способного смягчить стрессовое состояние малых народов в условиях интенсивного перехода России к рыночной экономической системе.

Литература

1. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. – М., 2003.
2. Дробизжева Л. М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. – Киев, 2007.
3. Черноус В. В. Российская идентичность на Кавказе: вызовы и ответы XXI в. // Россия и Кавказ: история и современность: материалы Международной научной конференции. 11–12 ноября 2004 г. – Владикавказ. 2005.
4. Дзуцев Х. В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа РФ. – М., 2012.
5. Малащенко А. В. Ислам для России. – М., 2007.
6. Федотова В. Г. Хорошее общество. – М., 2005.
7. Тощенко Ж. Т. Этнократия. – М., 2003.
8. Буркина Л. С., Петренко Л. А., Петренко Е. А., Жолобова И. К. Социальная девиантность как культур-антропологический феномен. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ АПСН, 2013.

References

1. Alikberov A. K. Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze. – M., 2003.
2. Drobizheva L. M. Vozmozhnost sovmestimosti grazhdanskoj i etnicheskoy identichnosti // Natsionalno-grazhdanskiye identichnosti i tolerantnost. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformatsiy. – Kiyev, 2007.
3. Chernous V. V. Rossiyskaya identichnost na Kavkaze: vyzovy i otvety XXI v. // Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 11–12 noyabrya 2004 g. Vladikavkaz. 2005.
4. Dzutsev Kh. V. Etnosotsiologicheskij portret respublik Severo-Kavkazskogo Federalnogo okruga RF. – M., 2012.
5. Malashenko A. V. Islam dlya Rossii. – M., 2007.
6. Fedotova V. G. Khorosheye obshchestvo. – M., 2005.
7. Toshchenko Zh. T. Etnokratiya. – M., 2003.
8. Burkina L. S., Petrenko L. A., Petrenko Ye. A., Zholobova I. K. Sotsialnaya deviantnost kak kultur-antropologicheskij fenomen. – Rostov n/D: Izd-vo SKNTs VSh APSN, 2013.